

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 452-464
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.452

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Images of the Heroes of the First World War in the Minds of Contemporaries and Descendants

Sergey I. Belov ^{a, b, *}

^a Science Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the formation of heroic images by imperial propaganda during the First World War and their perception in the minds of contemporaries and descendants. Since propaganda in 1914–1917 years when broadcasting a patriotic view of the war to society, first of all, had to deal with a poorly educated part of the population, its main medium was not a newspaper, leaflet, postcard or poster. An important task in the education of patriotism was the formation of the image of “people's heroes” and the glorification of their exploits. However, the naive heroic narrative of “folk pictures” aroused hostility among the layman, due to military defeats, and dull irritation in the army environment, since it did not consciously distance itself from the real problems of the army. As a result, the heroes of the “foreground” (K.F. Kryuchkov and M.L. Bochkareva) did not cause much enthusiasm even among contemporaries. They were not forgotten in Soviet historiography, acting as examples of unsuccessful military propaganda of tsarism. Due to this, attempts to rehabilitate these heroes during the commemoration of the World War in 2014 were not entirely successful. Most of the heroes of the “second plan” war were forgotten, but in some cases, memorial practices laid down during the war years in their homeland gave good results after the collapse of the USSR. Among these heroes, it should be noted R.M. Ivanov (Simferopol) and P.N. Cherkasov (Nizhny Novgorod).

Keywords: World War I, historical memory, image of a hero, commemoration, propaganda, lubok.

1. Введение

Проблема формирования героических образов вплотную встала перед российской пропагандой уже в первые месяцы Первой мировой, которая получила в официальной печати громкое наименование «Второй Отечественной войны». Оно не было случайным: только что отгремели юбилеи в честь 100-летия Отечественной войны 1812 г. и 300-летия династии Романовых. «Юбилейный бум» этого времени затронул не только образованную публику, но и самые широкие слои российского общества. Исследователи справедливо выделяют три основных направления внутренней пропаганды в годы Первой мировой: разъяснение целей и задач войны, воспитание патриотизма, а также «борьба за армию» в условиях межреволюционного периода (март–октябрь 1917 г.) (Кунжаров, 2013: 93). Второе направление как раз и включало воспевание мужества и героизма солдат российской армии.

А наиболее действенным инструментом этой пропаганды являлось формирование образа «народных героев» и прославления их подвигов. Герои могли иметь как индивидуальный, так и «коллективный» характер. В первом случае они являли собой символический образ, отражающий лучшие качества той или иной части российского воинства (так, самый живучий из них, казак

* Corresponding author

E-mail addresses: belov2006s@yandex.ru (S.I. Belov)

К.Ф. Крючков являл собой все характерные черты «удалого казака», а погибший в августе 1914 г. П.Н. Нестеров воплощал образ бесстрашного русского авиатора). В случае «коллективного» героизма основой становилась не личность, а непосредственно подвиг подразделения. Хрестоматийным примером из истории Великой Отечественной войны является подвиг панфиловцев в бою у Дубосеково 16 ноября 1941 г., а забытой «параллелью» к нему из времен Первой мировой служит подвиг солдат и офицеров гренадерских Грузинского и Мингрельского полков во время газовой атаки под Сморгонью 20 июля 1916 г.

Но формирование образов героев с помощью средств официальной печати и массовой агитации могло иметь только ограниченный успех в российском обществе времен Первой мировой. Исследователь военной пропаганды тех лет А.Б. Асташов верно отмечает главные черты предвоенного российского общества, препятствовавшие этому: разобщенность культурных миров (этнического и национального, деревенского и городского) и невысокая грамотность, следствием чего было слабое развитие массовой печати. Военная же печать долгое время ориентировалась исключительно на офицерство. Количество фронтовых газет и их тираж были сравнительно невелики. В этой связи военным властям пришлось прибегать к брошюрам и листовкам (обычно такие средства применялось для агитации и пропаганды среди солдат неприятеля) (Асташов, 2014: 554-556, 561-563).

При этом, по верному замечанию Е.С. Сенявской, спущенный «сверху» (через печать, плакат, литературу или кино) героический образ становится феноменом массового сознания, только смыкаясь с «рожденным в народе» (на уровне бытового фольклора) (Сенявская, 1997: 189). И российская пропаганда имела весьма успешный опыт подобного взаимодействия в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. «Народным» символом этой весьма неудачной в военном отношении кампании стала не позорная сдача Порт-Артура в декабре 1904 г. и не ужасная Цусимская катастрофа в мае 1905 г., а подвиг моряков «Варяга» и «Корейца» в сражении у Чемульпо 27 января 1904 г. И здесь неважно, что моряки вовсе не ушли под воду вместе с судном, а затопили крейсер и эвакуировались на берег (в ходе боя погибли всего 33 из почти 700 чел.). Гибель «Варяга» стала фактом народного сознания, напрямую влиявшим на формирование ценностей и образцов поведения для следующих поколений.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования весьма внушительна. Прежде всего к ней относится периодическая печать времен «Великой войны». Как уже отмечалось, она была ориентирована в первую очередь на интеллигентные и полунинтеллигентные слои населения. Тем не менее тираж наиболее популярных газет и журналов было достаточно велик и мог оказать ощутимое влияние на формирование героических образов в народной среде. Уже в 1890-х гг. дешевые иллюстрированные издания расходились в среде небогатого населения, ранее довольствовавшегося лубочными книжками. Наиболее тиражным и востребованным широким читателем было издание «Нива» (в 1904 г. число подписчиков этого издания составило 275 тыс.). В военные годы среди иллюстрированных журналов выделялись также «Искры», «Летопись войны», «Огонек» и «Солнце России». Особенно важным в контексте формирования героических образов представляется наиболее популярная «Нива». Учитывая тот факт, что для малообразованного населения чтение подобных журналов ограничивалось лишь изучением картинок и подписей под ними, можно сказать, что иллюстрации в этом знаменитом издании стали значимым фактором формирования героических образов Первой мировой войны в сознании широких масс населения.

На другом полюсе находилась выпускавшаяся генералом Д.Н. Дубенским «Летопись войны», которая была призвана представить официальную точку зрения на военные события. Издаваясь не слишком большим тиражом (35 тыс. экз.), «Летопись войны» была наполнена не только официальными сводками с фронтов, но и богатым иллюстративным материалом: фотографиями, портретами, планами и схемами. Всего в 132 номерах журнала за 1914–1917 гг. было помещено свыше 3 500 портретов участников войны. Редакция пыталась активно привлечь к их сбору и население: она «покорнейше просила» читателей присылать для журнала фотокарточки «убитых и раненых наших воинов, а также различные снимки и фотографии, имеющие отношение к войне». Однако этот журнал в большей мере был ориентирован на воспевание образов военачальников, чем рядовых «Великой войны». Так, портреты наиболее известных «героев низшего звена» – Кузьмы Крюčkова и Петра Нестерова – попали на страницы «Летописи» лишь по одному разу. В то же время самые известные военачальники (А.А. Брусилов и Н.Н. Рузский) отметились на страницах журнала по 17 раз.

Более важным источником для исследования формирования образа народных героев являются плакаты лубочного типа. С.С. Чистяков отмечает, что художественные и жанровые «особенности народных картинок во многом определили специфику самых массовых видов графического искусства» на рубеже XIX–XX вв. Причем сам лубок, несмотря на развитие печатных технологий, не утрачивал своей актуальности, а в годы войны получил настоящее второе рождение как «наиболее доступная форма визуальной коммуникации» (Чистяков, 2014: 84). В годы Первой мировой лубочные плакаты издавали крупнейшие типолитографии во многих городах России, весьма впечатляющими

были и их тиражи. Тогда же по горячим следам началось и изучение «народных картинок» не только как предмета искусства, но и как средства массовой агитации (Денисов, 1916).

Еще одним важным источником по восприятию героических образов являются воспоминания непосредственных участников войны. При анализе этого источника мы имеем возможность проследить реакцию на официальную пропаганду самих участников войны. Из огромного корпуса мемуаров, насчитывающего несколько сотен воспоминаний лиц самых разных чинов (от солдат и младших офицеров до высшего генералитета), целесообразно сосредоточить внимание на наиболее заметных представителях обоих политических лагерей, кристаллизовавшихся в ходе Гражданской войны. Этот выбор обусловлен тем, что и те, и другие рассматривали Первую мировую как своего рода преддверие к Гражданской, в связи с чем оценки тех или иных героических образов, сформированных пропагандой в 1914–1917 гг., могли кардинально различаться. Из «белых» мемуаристов наиболее заметными можно назвать А.И. Деникина («Очерки русской Смуты»), П.Н. Врангеля («Записки»), А.П. Будберга («Дневник белогвардейца»), из «красных» – А.А. Брусилова («Мои воспоминания»), С.М. Буденного («Пройденный путь») и М.К. Лемке («250 дней в царской ставке»).

При огромном разнообразии архивного материала, который можно привлечь к анализу усилий органов власти и общественных организаций по формированию героических образов непосредственно в годы войны, нами избран фонд Иваново-Вознесенской городской управы. Причиной послужила, с одной стороны, высокая сохранность и полнота документов фонда, а с другой – необходимость сосредоточить фокус зрения не на столичных городах, в которых действовали десятки общественно-политических организаций, а на типичном рабочем центре провинциальной России. Иваново-Вознесенск являлся продуктом пореформенного промышленного переворота и одним из крупнейших промышленных центров Российской империи начала XX в. – только за 1897–1914 гг. население города с 57 тыс. чел. увеличилось до 169 тыс. чел. Его пример позволяет увидеть, как пропаганда работала на периферии, причем в одном из самых горячих революционных очагов империи.

В нашей работе мы постараемся рассмотреть формирование героических образов в эпоху Первой мировой с помощью официальной пропаганды и их отражение в «народном сознании». С помощью анализа публикаций периодической печати можно проследить усилия пропагандистской машины по формированию образа как индивидуального, так и «массового» героя. Кроме того, изучение эволюции лубочного плаката позволяет понять, насколько эти образы оказывались востребованы издателями и «потребителями» этой продукции. «Народные картинки» предназначались, в отличие от газетно-журнальной продукции, адресованной образованным или полубразованным слоям населения, непосредственно крестьянской и рабочей России. Соответственно, анализ наиболее популярных лубочных тем может свидетельствовать об ожидаемом образе героя именно в низших слоях населения, представители которых составляли основную армейскую массу. Архивные документы помогут понять, каким образом официальная пропаганда в 1914–1917 гг. пыталась создать «привлекательный образ» войны на местах путем проведения памятных праздников и создания мемориалов. Наконец, исследование мемуаров непосредственных участников войны позволит выявить преломление образа героя непосредственно в восприятии фронтовиков.

3. Обсуждение

Далеко не все герои, попадавшие на страницы массовых газет и даже на плакаты и лубочные картинки, оказались востребованы «массовым потребителем» этой продукции. В связи с этим мы попытаемся проследить эволюцию героических образов, ставших частью массового сознания россиян в годы Первой мировой, вплоть до современности. Эта работа представляется актуальной в связи с тем, что Правительство России в преддверии 100-летнего юбилея войны озаботилось ее «мемориализацией». Важнейшим инструментом воздействия на историческую память сограждан власти традиционно полагают введение специальных праздников и памятных дней – и парламент России в декабре 2012 г. утвердил 1 августа в качестве Дня памяти русских воинов, погибших в Первой мировой войне (Баринков, Баринова, 2014: 36-37).

В 2014 г. был проведен целый комплекс мероприятий, связанный со 100-летним юбилеем «забытой войны». В том числе была сделана попытка «реабилитации» и популяризации героев той войны – казака К.Ф. Крючкова, женщины-офицера М.Л. Бочкаревой, медсестры Р.М. Ивановой, летчика А.А. Казакова, моряка П.Н. Черкасова. А главное – вызвать интерес к героям Первой мировой старались не только у историков, музейщиков, архивистов и работников культуры (многие из которых должны были просто выполнять «социальный заказ» сверху по освещению военных событий и их «героизации»), но и «массового потребителя». Большую работу в этом направлении провело Российское историческое общество. В частности, им был открыт «народный» проект «Образы Великой войны», к участию в котором привлекались все обладатели артефактов времен Первой мировой в семейных архивах. Кроме того, был запущен проект оцифровки картотеки потерь на фронтах Первой мировой войны 1914–1918 гг. (более 7 млн карточек), содержащей сведения о погибших, раненых, пропавших без вести и плененных солдатах и офицерах. Последний проект

получил собственный сайт (<https://gwar.mil.ru/>), с помощью которого любой интересующийся может отыскать родственников, принимавших участие в «забытой войне».

Как отмечалось создателями, проект «Образы великой войны» получил «большой отклик»: в Российское историческое общество «поступили сотни фотографий с участниками Первой мировой войны, самодельные фильмы, копии писем и рассказы», сохранившие информацию об этой странице истории, ранее представлявшей собой «белое пятно» в народном сознании. Однако «сотни фотографий», оставшихся от войны, в которой приняли участие более 15 млн чел., представляется не самым большим достижением в пробуждении народной памяти. Подводя итог исследованию Первой мировой в пространстве культурной памяти современной России, К.А. Пахалюк констатирует, что придание представителями власти значимости событиям Первой мировой (уравнивание их с Отечественными войнами 1812 г. и 1941–1945 гг.) «не привело к формированию новых общезначимых символов или героев».

При этом историография «героической пропаганды» времен Первой мировой весьма обширна. Впервые эта тема возникла в работах А.Б. Асташова, посвященных исследованию всех аспектов отечественной пропаганды «Великой войны». Подробно анализируя социальные условия, в которых приходилось работать царским идеологам, и инструменты пропаганды, автор приходит к выводу о неизбежности ее неудач на фоне военных поражений 1915–1916 гг., итогом чего стала активная «демилитаризация» армии (Асташов, 2012; Асташов, 2014). Объемная работа В.Б. Аксенова посвящена анализу массовых настроений россиян в годы Первой мировой войны и революции (Аксенов, 2020). Автором привлечен внушительный корпус источников, на основе которого он также делает весьма неутешительные выводы о попытках формирования героических образов в годы войны. Главной причиной неудачи он видит, в отличие от предшественника, не социальные причины и слабость инструментария пропагандистской машины, а банальные неудачи на фронте и усталость обывателя от войны, цели которой так и остались для него неведомыми. Внушительный корпус работ по осмыслению формирования героических образов времен Первой Мировой принадлежит К.А. Пахалюку и Е.С. Сенявской (Сенявская, 1997; Сенявская, 2009; Пахалюк, 2014; Пахалюк, 2016). В них авторы рассуждают, прежде всего, о причинах почти тотального забвения героических образов и подвигов, весьма популярных в годы Первой мировой. Выводы их почти идентичны – приходится констатировать, что в силу характера восприятия войны современниками, с одной стороны, и особенностей исторического развития России – с другой, коллективная память об этом событии в сознании россиян начала XXI в. фактически отсутствует.

В связи с этим попытка возвращения этой памяти, приуроченная к 100-летию юбилею войны, предпринятая в 2014 г., фактически потерпела неудачу. В качестве коллективных героических подвигов выдвигались шестимесячная осада Осовца и «атака мертвецов» 24 июля 1915 г., а также наиболее внушительная победа российских императорских войск – Брусилловский прорыв летом 1916 г. А вот в поисках образов «народных героев» пришлось вновь обратиться к официальным изданиям и лубкам времен Первой мировой. Вместо якобы многочисленных «забытых героев» страницы научно-популярных изданий вновь заняли Кузьма Фролович Крючков, Римма Михайловна Иванова и Мария Леонтьевна Бочкарева (Пахалюк, 2016: 109-110). Обе последние получили от историков коллективное прозвище «русская Жанна д'Арк». Серьезные расхождения в траектории судьбы самих фигуранток и отсутствие сколь-нибудь значимых пересечений с образом «символической прародительницы» (кроме самого факта участия женщины в военных действиях) вряд ли могли способствовать серьезному восприятию этих фигур в качестве «народных героинь». Р.М. Иванова была медсестрой, погибшей в атаке на вражеские окопы, а М.Л. Бочкарева командовала женским ударным батальоном, который более всего известен по неудачной попытке обороны Зимнего дворца в ходе октябрьских событий 1917 г. Отождествление их с одним из символов Франции свидетельствует, скорее, о неразборчивости пропагандистов в средствах и слабом понимании контекста.

4. Результаты

Прежде всего нужно заметить, что российской официальной пропаганде в 1914–1917 гг. пришлось работать в весьма сложных условиях. Грамотность широких масс населения России сравнительно с показателями других европейских стран оставляла желать лучшего. Согласно официальным данным, она составляла 40 % (54 % у мужчин и 26 % у женщин), а по данным Генерального штаба – 21,1 % (у мужчин – 29,3 %) (Военно-статистический ежегодник..., 1915: 634-637). Высокий показатель грамотности демонстрировали крупные города, но он отнюдь не был характерен для жителей сельской местности, составлявших абсолютное большинство солдат на фронтах Первой мировой. Пресса в России предназначалась в основном для представителей «образованной публики»: к 1913 г. в стране выходило 1 757 журналов и 1 158 газет, подавляющее число – в столицах и губернских городах. Даже многие крупные уездные города не имели своей газеты, не говоря уж о промышленных пунктах, не получивших подобного статуса.

«Образованная» прослойка в империи была невелика и во многом замкнута, несмотря на постоянный рост числа и «пропускной способности» социальных лифтов. Еще более замкнутой была среда населения, составлявшего костяк российского общества – сельских жителей и городских

рабочих. Исследователи отмечают, что вливавшееся в городскую жизнь в ходе индустриализации на рубеже XIX–XX вв. крестьянство (в промышленных мегаполисах оно составляло едва ли не половину населения) очень слабо соприкасалось с городской культурной средой, а «сложившиеся городские коллективы в специфических условиях промышленного предприятия воспроизводили самоуправляющиеся сельские общины». Армия должна была становиться для солдат «институтом модернизации», однако вследствие отрыва офицерства от широкой солдатской массы во многом воспроизводила ценности крестьянского общества, к которому принадлежали ее носители (Асташов, 2012: 212-214).

Вследствие этого власти были вынуждены применять наглядные методы агитации. Военные газеты носили крайне официальный характер: в них обязательно сообщалось о перемещениях по службе старших офицеров и министров, печатались официальные указы, давались сведения о раненых и отличиях, материалы о деятельности Земгора. Гражданскую печать (за исключением нескольких «патриотических» газет, издававшихся в крупных городах) на фронт обычно старались не допускать. Главным штабом уже в декабре 1914 г. были составлены списки допущенных к чтению газет и журналов – остальные в руки солдат попадать были не должны (причем не только на фронте, но и в военных госпиталях). Качественные собственные газеты, подчиненные целям массовой военной пропаганды, создать так и не удалось. Результатом стало почти повсеместное недовольство скудостью информации «допущенных к чтению» газет, ее отдаленностью от нужд обычного участника войны или прямой ложью (Асташов, 2012: 218-220). Власти с трудом удавалось приобщить массового человека традиционного общества, оказавшегося на войне, к идеалам патриотизма и гражданственности, внушить ему необходимость защиты Отечества.

В связи с этим пришлось приравливать средства пропаганды к особенностям солдатского мышления. Акцент со средств печати смещался на распространение листовок, брошюр, а также личные беседы с солдатами. Причем большинство адресованных солдатам брошюр предназначалось вовсе не для них (подобное чтение на отвлеченные темы фронтовиков просто не интересовало), а для бесед священников с солдатами. Вот только в начале XX в. секуляризация затронула уже довольно широкие массы населения, включая наиболее «взрывоопасный элемент» – рабочих и оказавшихся в городах крестьян. Не способствовала доверию армейским церковнослужителям и экстремальная ситуация, в которой оказывались фронтовики. В этих условиях пропагандистский акцент уверенно смещался в сторону наглядных форм агитации – плакатов и листовок. В связи с этим возникает феномен военного лубка и открытки. «Лишь только раздались на границе первые боевые выстрелы, сейчас же звонким эхом отозвались они в лубке, и тысячи, сотни тысяч ярко расцвеченных листовок полетели с печатного станка в глубины России, обгоняя газеты и правительственные сообщения», – писал В.А. Денисов (Денисов, 1916: 1). Главными темами лубка были победы русского воинства, зверства немецких войск и, наконец, подвиги героев. Эти нехитрые картинки должны были превозносить достоинства русского солдата и высмеивать противника (Молчанова, 2016: 25).

При этом данное средство пропаганды, на первый взгляд полностью адаптированное к народному восприятию, не оказало большого влияния на формирование позитивного образа войны среди населения. Причина тому банальна: лубок мог иметь влияние только в случае военных побед, тогда как на фронтах Первой мировой российской армии значительную часть времени похвастать было нечем. Первый массовый всплеск популярности лубка и военной открытки пришелся на Русско-японскую войну 1904–1905 гг. и оставил у «массового потребителя» очень неприятное послевкусие. Как замечает С.С. Чистяков, «русская армия и флот терпели поражения, неумолимо росло число убитых и раненых, а на лубочных картинках русский мужик устраивал порку японскому императору, военные корабли Страны восходящего солнца шли ко дну, а казаки весело пускались в пляс» (Чистяков, 2014: 84-85). Все это создавало весьма негативное впечатление о достоверности подобных картинок у их потребителей, на что чутко реагировали и издатели. В.А. Денисов отмечал, что количество подобной продукции напрямую зависело от успехов русских войск на фронте: «чем более близким казалось сокрушение врага, тем смелее и занозистее становился лубок». Но сразу после начала «Великого отступления» в конце июня 1915 г. «остепенился и лубок, а потом и вовсе замолк» (Денисов, 1916: 4).

Эти соображения подтверждает и В.Б. Аксенов, связывая, однако, их не столько с фронтовыми неудачами, сколько со спадом патриотического подъема первых месяцев войны, отмечая подобные же тенденции и для произведений кинематографии и театральных постановок. В то же время в годы войны происходит вытеснение народных картинок изданиями профессиональных хромолитографий – военно-патриотический лубок из «народных картинок» превращается в «картинки для народа» (Аксенов, 2020: 522-527). Все это не способствовало повышению доверия к подобным изданиям, повторявшим утверждения официальной и патриотической печати, уже изрядно набившим оскомину солдатам и обывателям. Очень скоро патриотический лубок, зачастую не отличавшийся разнообразием тем и героев и искусством исполнения, начал вызывать глухое раздражение. Появился даже термин «кузьмокрючковство», обозначающий выпуск патриотической продукции сомнительного качества (Купцова, 2004: 108).

Е.С. Сениявская отмечает, что особое место в народном сознании принадлежало георгиевским кавалерам, воспринимавшимся «как истинно русские богатыри». Поскольку заслужить солдатский Георгиевский крест можно было лишь путем боевого подвига, им гордились больше, чем любыми другими наградами (Сениявская, 1997: 192). Вернувшиеся с фронта георгиевские кавалеры становились, с одной стороны, примером для молодежи и поводом для гордости сограждан, а с другой – должны были, по мысли правительства, являться проводниками в тылу официально-патриотической точки зрения на войну. Кавалерам полагались многочисленные льготы. Еще в августе 1913 г., после введения нового статута комплекта георгиевских наград, были введены пенсии для награжденных – от 36 до 120 руб. в год в зависимости от степени. Правительство оказывало кавалерам особое внимание, предоставляя и другие преференции. В самый разгар войны, в январе 1916 г., был учрежден Георгиевский комитет, председателем которого стал брат Николая II, великий князь Михаил Александрович. Занимался он устройством санаториев и больниц для георгиевских кавалеров и улучшением их быта. Особое внимание уделялось также сбору материалов для создания музея трофеев, записи стихов, рассказов и материалов о войне, организации выставок.

Так, в августе 1916 г. было принято решение об учреждении во всех учебных заведениях специальных вакансий для детей неимущих георгиевских кавалеров. В правительственных учебных заведениях для них вводилось по 5 бесплатных вакансий. А в сентябре 1916 г. было решено выделить 50 тыс. руб. для назначения стипендий и пособий на воспитание дочерей георгиевских кавалеров. Затем инициатива была переадресована на места. В октябре 1916 г. все городские головы получили циркуляры с просьбой о предоставлении в подведомственных им учебных заведениях и приютах бесплатных вакансий и стипендий для детей «георгиевцев» (ГАИО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2701. Л. 1-3). День св. Георгия 26 ноября 1916 г. было решено ознаменовать «особым торжеством повсеместного в империи чествования доблестных героев российских армии и флота». Средств для организации праздника у комитета не было, поэтому их планировалось отыскать на местах (прежде всего – путем добровольных пожертвований). Губернаторы получали циркуляры с просьбой об организации в городах и «наиболее населенных пунктах» кружечных сборов, а также пожертвований по подписным лицам «в пользу семейств павших героев». Средства можно было получить также с помощью народных гуляний, спектаклей, концертов, кинематографических представлений и прочих развлечений.

Однако сведения об организации подобных праздников на местах свидетельствуют, что идея оказалась не совсем ко времени. Голова одного из крупнейших промышленных центров империи, г. Иваново-Вознесенска, А.К. Семенов (кстати, сам бывший офицер, раненный под Сандепу в феврале 1905 г.), получил циркуляр об устройстве праздника от владимирского губернатора В.Н. Крейтона 8 ноября 1916 г. От председателя Шуйского уездного земского комитета были получены сведения, что в Шуйском уезде проживает 45 георгиевских кавалеров, из них 12 – в Иваново-Вознесенске. Свои сведения доставили участковые полицейские надзиратели, по их данным, в городе проживали 13 «георгиевцев». Один из них, М.Ф. Пелин, оказался обладателем награды 1-й степени, полученной еще в ходе русско-турецкой войны. Остальные имели кресты 4-й степени. Лишь личный почетный гражданин М.Н. Язвицкий имел также крест 3-й степени, а мещанин А.Д. Демьянов – также медаль 4-й степени. С целью сбора средств в городе был организован концерт местной музыкальной школы «с отчислением части сбора с публики» в качестве пожертвования георгиевским кавалерам. Пять кинотеатров дали обязательство уделить на эту цель 25 % от сбора в «георгиевский день». На заводе Ю.С. Нечаева-Мальцева в Гусь-Хрустальном были заказаны 200 кружек для георгиевских кавалеров (от городской управы для этого был направлен П.И. Волощик). А Товарищество Куваевской мануфактуры (крупнейшее предприятие Иваново-Вознесенска) пожертвовало 640 м бязи, из которых были пошиты 180 рубашек для георгиевских кавалеров (ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5607. Л. 1-35).

На первый взгляд, картина предстает вполне благостная. Вот толькостораживает столь скромная численность «георгиевцев» в 150-тысячном Иваново-Вознесенске – всего 13 чел. Также не совсем ясно, куда должны были пойти рубашки и кружки, в столь значительном количестве изготовленные для героев, ведь во всем Шуйском уезде находилось не более 45 их возможных обладателей. Большая часть их оказалась проживающей в сельской местности, а соответственно, не принимала участия в празднике. Те же «георгиевцы», которые жили в самом Иваново-Вознесенске, вряд ли могли положительно повлиять на настроение его жителей, уже в тот момент ощущавших серьезное ухудшение продовольственного снабжения. Так что идея сделать из них «столпов патриотизма» в российской провинции (составляющей частью которой была организация упомянутого праздника), как кажется, особых успехов не принесла. Отчасти причиной падения интереса к георгиевским кавалерам мог быть тот факт, что если ранее награда была знаком особого отличия и вручалась за настоящие подвиги, то в годы Первой мировой она стала по-настоящему массовой. Если в первый год войны в войска было отправлено 198,8 тыс. крестов разных степеней, то в 1915 г. «Георгия» получили уже 603 тыс. чел., а в 1916 – феврале 1917 гг. – еще 677,8 тыс. чел. (Дуров, 1993: 4). Многие получали награды уже не за конкретные подвиги, а за ранение или даже «за плен». Награды массово выдавались во время посещения высочайшими особами военных госпиталей или позиций на фронте. В свете всего этого представление о «героических кавалерах» как «русских чудо-богатырях» не могло не потускнеть.

Подобная ситуация сложилась и с мемориалами погибшим участникам сражений, о которых правительство проявило заботу еще в начале войны. Уже в октябре 1914 г. городские органы самоуправления получили через губернаторов циркуляры от Александровского комитета, занимавшегося попечением о раненых. Ими предлагалось всех воинов, умерших в местных лазаретах, «хоронить в городах лишь на определенном кладбище и в одном месте, с сооружением на них часовен, крестов и памятников». Эти братские кладбища, обсаженные деревьями и обнесенные решеткой, в дальнейшем должны были служить напоминанием «последующим поколениям о жертвах великой европейской войны». На заседании Иваново-Вознесенской городской думы 11 ноября 1914 г. предложение об устройстве в городе братского кладбища для умерших больных и раненых воинов было признано желательным и передано в управу, которая должна была связаться с другими общественными организациями. А 9 декабря 1914 г. было рекомендовано отвести под это кладбище место в ограде Ново-Успенской кладбищенской церкви, где уже были похоронены двое умерших раненых. Предполагалось перезахоронить трех умерших раненых, ранее уже похороненных на том же кладбище в других местах, а также произвести подписной сбор среди жителей города на сооружение чугунной решетки и памятника умершим. С этой же целью предполагалось раз в месяц производить и кружечные сборы. Для более торжественных похорон решили приглашать хор монахинь (ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7019. Л. 198об.-199, 211об.-212).

Подобные же решения были приняты во всех крупных городах империи: в них, как и в Иваново-Вознесенске, разворачивались многочисленные лазареты и госпитали, умершие в них воины должны были отправляться на памятные братские кладбища. Однако ни в Иваново-Вознесенске, ни в большинстве других городов сведений о создании этих кладбищ и уходе за ними не сохранилось. Столетие спустя, в ходе активной коммеморации событий «забытой войны», были предприняты поиски ее героев и памятных мест почти по всей территории нашей страны. В связи с этим К.А. Пахалок отмечает, что захоронения эпохи Первой мировой слабо сохранились, поэтому установка памятных знаков была проведена лишь в трех регионах – Калининградской области, Санкт-Петербурге и Вологде. Хотя, как оговаривается он, в реальности захоронений участников Первой мировой в России намного больше. Исследователь истории создания «братских кладбищ» Первой мировой в Западной Сибири И.А. Еремин отмечает, что эти воинские захоронения были «заброшены и преданы забвению» по причине негативного отношения советской идеологии к участию России в этой войне. Поэтому в настоящее время приходится создавать искусственные «места памяти», способствующие «формированию патриотизма у молодого поколения и восстановлению дореволюционных воинских традиций в современном российском обществе» (Еремин, 2014: 48).

Теперь обратимся к восприятию собственно личностей героев официальной пропаганды времен Первой мировой. Их можно делить на две категории: полководцы (изображение последних было популярным мотивом в «народных картинках» еще с середины XVIII в.) и герои-солдаты. Анализируя популярность тех и других, В.Б. Аксенов отводит из полководцев первое место А.А. Брусилову, который приобрел широкую известность еще до своего знаменитого прорыва – после взятия Галича в августе 1914 г. Его «партнером» зачастую выступал генерал Н.В. Рузский, прославившийся в результате взятия Львова и успешной Галицийской битвы (август–сентябрь 1914 г.). Но настоящий культ сформировался вокруг фигуры Верховного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, любимого в обществе и армии. Он не потерял ореола «великого полководца» даже после тяжелых поражений на фронте. Однако этот культ вызывал опасения при императорском дворе, где велись серьезные разговоры о непомерном усилении диктаторских амбиций дяди Николая II. В результате он был смещен с поста главнокомандующего в августе 1915 г., а его место занял сам император. Это, как полагают исследователи, стало мощнейшим ударом по имиджу российской армии, с одной стороны, и царствующего дома – с другой.

Что касается «народных героев», то наибольшую популярность демонстрировал К.Ф. Крючков, причем художники отнюдь не стремились точно воспроизвести детали схватки, в ходе которой он якобы лично уничтожил 11 немцев. Крючков изображался то пешим, то на коне, то с усами, то без них, врагов поражал то саблей, то пикой. Еще одним знаменитым героем стал штабс-капитан П.Н. Нестеров, впервые применивший в воздухе боевой таран. Сцены воздушных боев представлялись издателям самыми зрелищными, особенно для обывателя, никогда самолетов не видевшего. На одном из плакатов Нестеров совершал таран, управляя самолетом одной рукой, а второй – стрелял из пистолета в выпавшего из самолета австрийского летчика (Аксенов, 2020: 536-538). В связи с этим в «герои» попал и французский летчик Ролан Гаррос (1888–1918), прошедший несколько успешных воздушных боев, в том числе в апреле 1915 г., сбивший на высоте 1 000 м немецкий самолет-разведчик «Альбатрос». Подобные образы, с одной стороны, привлекали повышенное внимание, а другой – не могли не представляться откровенно сказочными, мифологическими. От реальных людей в них оставалось немного, и после потери актуальности личность из образа постепенно «вымывалась», оставляя лишь общее представление об удалом казаке и бесстрашном авиаторе.

Из других героев военных лубков популярен был великий князь Олег Константинович, корнет лейб-гвардии Гусарского полка, умерший от раны, полученной в бою 27 сентября 1914 г. близ д. Пильвишки в районе Владиславова. Олег Романов представлялся молодым рыцарем «без страха и упрека», жертвой, принесенной царской семьей на алтарь «народной войны». Однако после его гибели все Романовы постепенно были удалены с «первой линии» фронта, что сыграло несколько сдерживающую роль в возведении его в пантеон героев. На лубочных плакатах «засветился» и целый ряд других героев: еврей Дмитрий Кац, казак Филипп Приданников, гусар Давид Выжимок. Первый (рядовой 67-го Тарутинского полка) в августе 1914 г. возглавил штыковую атаку на превосходящие силы неприятеля. Вторым, оставшись без лошади, с раздробленной ногой отбивался от австрийцев, заколов троих пикой, а еще троих зарубив саблей. Третий в ходе битвы у Гагенсдорфа под градом пуль и картечи вынес на себе раненого офицера. Другими героями военных корреспонденций и «народных картинок» стали подхвативший знамя и убитый в бою 4 августа 1914 г. полковник П.А. Комаров и хорунжий лейб-гвардии казачьего полка Д.Е. Боткин, попавший в окружение и убитый после отказа сдать в декабре 1914 г. Как видим, никакими из ряда вон выходящими героическими свершениями лица, попавшие в объектив пропаганды, не отметились.

В качестве не вписывающихся в этот ряд личностей можно отметить старшего унтер-офицера П.Н. Панасюка, который был захвачен в плен в марте 1915 г. близ селения Домброве. Героя-разведчика принуждали дать сведения о расположении российских войск, для чего по частям отрезали ухо и изуродовали нос. Однако Панасюк самоотверженно перенес пытку, а после этого сумел бежать, усыпив бдительность конвоя. Впрочем, его подвиг попал на первые полосы газет не столько в связи с личностью самого Панасюка, сколько по причине обвинений немцев в «нарушении законов войны»: медики установили, что ухо резали ножницами по кусочкам в течение длительного времени, эти манипуляции сопровождалась «сильной болью и значительным кровотечением». Еще один «лубочный герой», священник П.М. Холодный, вряд ли может быть так поименован в общеупотребительном смысле этого слова. В августе 1915 г. обоз, в котором он находился, попал в засаду и был окружен австрийскими солдатами. Однако после пламенной речи батюшки, апеллировавшего к «славянскому братству», австрийцы сложили оружие и сдались в плен. Священник был награжден лично императором золотым наперстным крестом на Георгиевской ленте.

Этот краткий обзор попавших в орбиту пропаганды героев Первой мировой свидетельствует о том, что отбор их фигур не производился специально. Просто сведения о них попадали в газеты, значительная часть – в связи не с самими подвигами, а награждением героев «высокими лицами» императорской фамилии. О этом можно уверенно говорить как в отношении Холодного, которого наградил сам Николай II, так и Давида Выжимока, который получил «Георгия» из рук Верховного главнокомандующего Николая Николаевича. Панасюк получил известность больше не в связи со своим (безусловно, героическим) поведением в плену, а издевательствам над ним австрийских офицеров. Фабулы подвигов остальных напоминают обычные выписки из приказов о награждении. Например, иваново-вознесенец А.М. Шалаев, ефрейтор 184-го Варшавского полка, в бою 5 мая 1916 г. «под сильным и действительным огнем противника пронес и доставил важное извещение, долженствующее восстановить связь, утраченную совместно действующими ротами». Далее он, «несмотря на ранение в спину осколком снаряда, после перевязки возвратился в роту, принимая участие в дальнейшем бою», за что был награжден Георгиевским крестом 4-й степени (ГАИО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 148. Л. 74-77). Подобные подвиги не могли заинтересовать обывателя, такой массовый героизм претил его вкусу. Для броской картинкой, которая могла бы привлечь его внимание, была необходима фабула, причем либо совершенно фантастическая (как в случае с Кузьмой Крючковым), либо яркая и экстравагантная (таран Петра Нестерова). А вот с созданием подобного нарратива были проблемы как у газетчиков-«патриотов», так и у издателей массовой агитационной продукции.

В результате широкомасштабный поиск «забытых героев забытой войны», предпринятый историками, архивистами, музейщиками и краеведами к столетнему юбилею Первой мировой, фактически ни к чему не привел. Для создания новых образов не хватило скупых и официозных строчек газетных сводок и броских плакатов времен войны с краткими пересказами «подвигов», взятых из тех же газет. Герои должны были обрести «плоть и кровь» в ходе архивных изысканий об их происхождении и дальнейшей судьбе, но удалось это лишь немногим «счастливчикам». Большая часть попавших на лубки авторов подвигов оставалась безымянной, поскольку для возвращения героя в общественное пространство необходимы не только детали биографии (которых лица, подобные Кацу и Панасюку, оказались просто лишены), но и наличие заинтересованных лиц – прежде всего из числа земляков или родственников. Таковых отыскалось весьма немного, и большинство их пыталось не возродить память о безымянных участниках войны, а «присвоить» героев с уже готовой биографией, вроде «ставропольской девы» Риммы Ивановой, «первого русского аса» Александра Казакова или командира «балтийского „Варяга“» Петра Черкасова, не говоря уж о героях первого ряда – Кузьме Крючкове и Марии Бочкаревой.

Последние, в отличие от других поименованных выше лиц, были вполне известны даже в советское время, хотя вряд ли можно назвать их образ, сложившийся в послереволюционные годы, позитивным. Способствовал этому тот факт, что они не приняли советской власти: К.Ф. Крючков

погиб в бою с красными 18 августа 1919 г. близ д. Лопуховка, а М.Л. Бочкарева была расстреляна ВЧК в Красноярске 16 мая 1920 г. Справедливости ради надо сказать, что «героический ореол» обоих несколько померк еще задолго до торжества советской власти. Настойчивое навязывание образа «удалого рубаки» Крючкова российскому обществу в 1914–1917 гг. привело к обратным последствиям: для многих он стал главным символом топорной и неразборчивой в средствах пропаганды. Крючков появился на страницах всех ведущих газет и журналов, ему были посвящены десятки открыток и плакатов, его портрет появился на коробках папирос, спичек и даже конфет, в ноябре 1914 г. ему была посвящена песня, в январе 1915 г. на экраны вышел кинофильм «Донской казак Козьма Крючков» в двух действиях.

Эта навязчивость очень быстро привела к появлению альтернативной версии подвига, согласно которой Крючков долгое время убежал от немцев, отчего и получил большое число ран пикой в спину. Согласно канонической версии, Крючков во главе сторожевого дозора из 4 чел. сражался с отрядом в 27 немецких кавалеристов, из которых 11 убил сам, еще столько же уничтожили его товарищи, двое было захвачено в плен, а троим удалось бежать (Маслова, 2014: 8). Однако существовало несколько версий подвига, слабо стыкующихся друг с другом. Сейчас уже понятно, что в стычке погибли максимум два немца, а Крючков действительно долгое время убежал от них – иначе трудно объяснить наличие у него «шестнадцати колотых ран на спине, плече и предплечье» (Нелипович, 2014: 77-78). Неудивительно, что подобные пропагандистские образы вызывали глухое раздражение как у тыловых обывателей, так и у фронтовиков. Первые видели реальное ухудшение положения дел на фронтах, сопоставляя образы «удалого казака» Крючкова с аналогичными персонажами, лихо побеждавшими никчемных японцев на плакатах 1904–1905 гг. А вторые имели возможность сравнить описанные подвиги с реальным положением дел, что приводило их к «чувству неприязни, граничащей с обидой на отсутствие внимания к реальным проблемам сражающейся армии» (Пахалюк, 2014: 215). Как отмечает К.А. Пахалюк, преувеличенные героические примеры, тиражируемые в приказах по армии, вызывали откровенное недоверие солдат.

Еще более неоднозначной фигурой является М.Л. Бочкарева – сестра милосердия, чья храбрость в боях снискала уважение сослуживцев и принесла ей Георгиевский крест и три медали. В июне 1917 г. она возглавила Первую женскую военную команду, получившую впоследствии хлесткое наименование «батальона смерти». Всем было очевидно, что формирование подобных частей носит исключительно пропагандистский характер, это мнение не изменило их достойного поведения в бою под Сморгонью в июле 1917 г. Особенно ненавидели женские формирования солдаты, хорошо понимавшие, что никакого реального значения подобные части не имеют, и выступавшие с требованием расформировать все «женские батальоны» как «непригодные для несения армейской службы». С аналогичным отношением женщины столкнулись и со стороны армейского начальства, видевшего в подобных соединениях не иначе, как «суррогаты армии» (А.И. Деникин). В результате уже в середине августа 1917 г. главнокомандующий Л.Г. Корнилов запретил создание новых женских соединений, а прежние разрешил использовать исключительно на вспомогательных участках. Патриархальное российское общество оказалось не готово принять женщин в такой исключительно мужской институт, как армия. «Есть много путей общественного и государственного служения, гораздо более соответствующих призванию женщины», – замечал А.И. Деникин, выражая мнение, пожалуй, подавляющей части россиян того времени.

Биография Бочкаревой после бесславного краха «женского батальона» оказалась тоже не самой «героической». Она серьезно запятнала себя агитационной поездкой в Америку и Европу, в ходе которой просила помощи против большевиков, в том числе на аудиенциях у американского президента Вудро Вильсона 10 июля 1918 г. и английского короля Георга V. Начальство Белой армии смотрело на «самозванку» несколько свысока, так что сформировать новый женский батальон Бочкаревой не удалось ни в Архангельске, ни в Омске. А после разгрома колчаковских войск она в январе 1920 г. была арестована ВЧК. Каноническому образу женщины-героини препятствуют многие факты биографии Марии Леонтьевны, начиная с «мужиковатой» внешности и агрессивного обращения с подчиненными, заканчивая целым букетом биографических подробностей, изложенных в рассказах американскому журналисту И.Д. Левину, издавшему на основе ее воспоминаний книгу «Яшка», переведенную на несколько языков. На страницах этого произведения, больше похожего на бульварный роман в жанре исповеди, жизнь Бочкаревой представляет собой гремучий коктейль литературных тропов, почерпнутых из разных произведений русской классики, очень мало похожих на реальную судьбу женщины начала XX в. Некоторые сюжеты этой книги, рассчитанной на коммерческий успех у доверчивого западного читателя, мало знакомого с российской действительностью и ищущего в ней экзотики, представляются весьма неблагоприятными как для современника Бочкаревой, так и для современного консерватора-патриота: нищее детство в «процветающей империи», неоднократные избиения пьяницей-мужем, уход от него к еврейско-разбойнику и возвращение обратно к мужу после ареста последнего.

Как видим, и Бочкарева, и Крючков очень мало подходили для создания образов «идеальных героев» Первой мировой. Кузьма Фролович на многие годы стал примером неумелого выстраивания «героического образа», попав в этом качестве во многие тексты советских времен: от романа

«Двенадцать стульев» до бессмертного «Тихого Дона» М.А. Шолохова и даже хрущевской речи на XX съезде КПСС. Тем не менее в последние годы предприняты многочисленные попытки его реабилитации – прежде всего в работах историков Белого дела, ярким примером которых является апологетический очерк В.В. Бондаренко (Бондаренко, 2013: 259-285). Имя Крючкова получил переулочек в г. Ростов-на-Дону, в Новочеркасске ему открыт памятник, а кроме того, именно Крючков стал прототипом казака в ансамбле памятника героям Первой мировой войны, открытого в Москве 1 августа 2014 г. Но если Крючков являлся довольно однозначной и одномерной фигурой, негатив к которой могли проявлять лишь ярые сторонники красных, то для реабилитации столь противоречивой личности, как Мария Бочкарева, пришлось немало потрудиться историкам и кинематографистам.

Впервые в массовую культуру Мария Леонтьевна попала еще в романе В.С. Пикуля «Из тупика» (1968), а вот в произведении Бориса Акунина «Батальон ангелов» (2011) она выведена уже одной из главных героинь. В феврале 2015 г. на экраны кинотеатров вышел российский художественный фильм «Батальонъ», целиком посвященный женскому «батальону смерти» и его командиру – М.Л. Бочкаревой. Вскоре после этого появился целый ряд памятных мест, связанных с именем Марии Леонтьевны. В октябре 2016 г. в ее честь был открыт памятный знак в с. Ново-Кусково Томской области, в июле 2017 г. установлена закладная доска на месте будущего памятника женскому батальону на месте его единственного боя (д. Новоспасск Гродненской области Республики Беларусь), возникла также идея установки памятника Бочкаревой в Красноярске. Образ женщин-«ударниц» оказался настолько эффективным, что в компьютерной игре Battlefield 1 (основанной на событиях Первой мировой), вышедшей в октябре 2016 г., все разведчики Российской империи и Белой армии представлены участницами батальона. Тем не менее даже многим сторонникам «героизации» событий Первой мировой фигура Бочкаревой представляется как минимум спорной. Судя по всему, именно в связи с этим она не попала в серию очерков о героях Первой мировой, вышедших под одной обложкой в серии «ЖЗЛ» в 2013 г. из-под пера консервативного писателя и историка Белого дела В.В. Бондаренко.

Крючков и Бочкарева оказались героями первого плана, пришедшими на него разными путями, но уверенно закрепившимися в современной массовой культуре. Меньше повезло целому ряду фигур второго плана, которые мало уступали своим «коллегам» в известности среди современников, но ушли на второй план в советское время. Они превратились в типичных «местных героев». Здесь назовем две знаковых фигуры – медсестру Р.М. Иванову (1894–1915) и капитана П.Н. Черкасова (1882–1915). Римма Ивановна ушла на фронт в январе 1915 г. под мужским именем. Впрочем, долго скрываться она не смогла и прославилась именно как медицинская сестра, появлявшаяся в самых опасных местах и спасающая немало жизней. За мужество при спасении раненых она была удостоена Георгиевского креста 4-й степени. Погибла она 9 сентября 1915 г. в бою у д. Мокрая Дубрава, подняв роту в атаку на вражеские окопы. Указом императора Николая II Ивановна посмертно была награждена офицерским орденом св. Георгия 4-й степени, а похоронена на родине, в Ставрополе, месяц спустя.

Иванова ввиду благородного происхождения, привлекательной внешности и незапятнанной биографии была гораздо более подходящей фигурой для героизации, чем неуклюжая Бочкарева. Если Крючков олицетворял собой «удалое казачество», то Ивановна – героическую медсестру, образ, невероятно популярный в первый год войны. Ей посвящались плакаты, о подвиге был снят художественный фильм (весьма невысокого качества), было учреждено несколько именных стипендий, подумывали о памятнике на родине. Возникло даже предложение о причислении ее к лику святых. Образ Ивановой был запечатлен на памятнике «Героям Великой войны», открытом в Вязьме в июне 1916 г. – она являлась в этой композиции единственным представителем «воинских низов». Нельзя сказать, чтобы память об Ивановой совсем стерлась в советское время: уже в 1987 г. появляется роман-хроника писателя-краеведа Ю.Н. Христинина «Сестра милосердия», посвященный ее подвигу. А в связи с празднованием столетия «забытой войны» в Ставрополе появляется улица ее имени, мемориальная доска на здании Ольгинской гимназии, а также мемориальный знак на месте гибели девушки. Затем в 2016–2019 гг. появляются два памятника и бюст в Ставрополе, а еще один памятник – в Михайловке Ставропольского края. Словом, Р.М. Ивановна являет собой прекрасный пример «местной героини», неизвестной широкой публике, но зато высоко чтимой на малой родине.

Еще один подобный пример представляет собой Петр Черкасов – капитан 1-го ранга, потомственный моряк. Вечером 19 августа 1915 г. его канонерская лодка «Сивуч» приняла у Моонзунда бой с превосходящими силами противника, сорвав задачу германской эскадры прорваться к Риге. «Сивуч» получил наименование «балтийского „Варяга“», но, в отличие от символического прародителя, он действительно был полностью изрешечен ураганным огнем немцев и ушел под воду вместе с капитаном. В сентябре 1915 г. Балахнинское земское собрание приняло решение установить памятник герою, но его отец решил, что лучшим памятником Черкасову будет Народный дом его имени в Ольгине (ныне – Володарск). Потомственный дворянин П.Н. Черкасов, подобно Ивановой, был не слишком близок советской власти, но на местном уровне память о нем существовала. Уже в 1998 г. вышел документальный роман Б.А. Шалагина «Взять море в свои руки», одним из героев

которого являлся П.Н. Черкасов. В 2006 г. в Володарске был заложен в его честь памятный камень, а памятник установлен в мае 2017 г. В Нижнем Новгороде в честь героя в октябре 2008 г. была открыта памятная доска.

5. Заключение

Подводя итоги обзора формирования образов героев Первой мировой в ходе самой войны и их отражения в сознании современников и потомков, можно отметить несколько характерных тенденций. Некоторые из них ранее уже были зафиксированы исследователями. Е.С. Сеньявская выделяет несколько причин, приведших к забвению имен героев Первой мировой. Прежде всего память о ней была вытеснена событиями революции и Гражданской войны. Многие участники последней были самыми настоящими героями Первой мировой, но личности их воспринимаются ныне исключительно через призму участия в «красном» или «белом» деле. Со стороны красных среди таковых можно назвать в основном представителей армейских низов – полными Георгиевскими кавалерами, в частности, были В.И. Чапаев и С.М. Буденный, а со стороны их противников – целый ряд выдающихся полководцев, от М.В. Алексеева до Л.Г. Корнилова. Е.С. Сеньявская замечает, что советская власть прикладывала «максимум усилий, чтобы вытравить все позитивные патриотические оценки войны, образцы проявленного на фронтах героизма, да и саму эту войну из народной памяти» (Сеньявская, 2009: 9).

С этим трудно не согласиться, но с некоторыми оговорками. Советская пропаганда достаточно часто использовала героические подвиги участников Первой мировой, но лишь перешедших на сторону красных. Удостоился особого внимания даже погибший П.Н. Нестеров (его старший брат Николай Николаевич уже в январе 1919 г. поступил на службу в Красную Армию, с 1937 г. стал преподавателем в Военной академии М.В. Фрунзе). А вот другой мастеровитый летчик А.А. Казаков, главный русский ас Первой мировой, попал в «зону умолчания», поскольку сражался с красными на Севере и погиб в августе 1919 г. То же касается принявшего советскую власть А.А. Бурсилова, который воспевался советскими историками как гениальный полководец, и целой плеяды не менее талантливых генералов, вставших у истоков Белого дела. Другие погибшие герои (вроде Р.М. Ивановой и П.Н. Черкасова) не могли рассчитывать на признание советской власти по причине явно «контрреволюционного» происхождения, но в местной истории память о них сохранялась и актуализировалась задолго до коммеморации «забытой войны» к юбилею 2014 г.

Но все же необходимо признать, что большинство героев, рожденных пропагандой в 1914–1917 гг., оказались незаслуженно забыты не столько по причине сознательного вымарывания их имен из народной памяти, сколько потому, что оказались лишены ярких, узнаваемых образов, которые могли запечатлеться в народном сознании. Они оказались героями проигранной войны, а поскольку многие получали известность лишь посмертно, оказывалось неясно, ради чего они были положены на алтарь победы. А главное – уже с осени 1916 г. как на фронте, так и в тылу нарастало глухое недовольство войной, проецировавшееся и на пропагандистские образы ее героев. Почти все упомянутые в нашей статье лица совершали подвиги и получали всероссийскую известность в первые два года войны. Результатом усталости от войны была негативная реакция на ее героев. Самый яркий персонаж царской пропаганды – Кузьма Крючков – на долгие годы стал символом «дутого героя», и его реабилитация историками Белого дела оказалась не в силах изменить устоявшиеся стереотипы. А Мария Бочкарева, которую Временное правительство и лично А.А. Керенский видели символом «Второй Отечественной войны», оказалась в силу целого ряда причин не востребована российским обществом того времени и ныне является, скорее, персонажем массовой культуры.

6. Благодарности

Проект № 1022062000240-7 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Литература

- Аксенов, 2020 – Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.
- Асташов, 2012 – Асташов А.Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М.: Спецкнига, 2012. 400 с.
- Асташов, 2014 – Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 740 с.
- Баринов, Баринава, 2014 – Баринов В.А., Баринава К.В. Первая мировая война: уроки истории для Российской нации // *Национальные приоритеты России*. 2014. № 2. С. 36–47.
- Бондаренко, 2013 – Бондаренко В.В. Герои Первой мировой. М.: Молодая гвардия, 2013. 509 с.
- Военно-статистический ежегодник..., 1915 – Военно-статистический ежегодник армии за 1913 год. Пг.: Военная типография Екатерины Великой, 1915. 722 с.
- ГАИО – Государственный архив Ивановской области.

- Денисов, 1916** – Денисов В.А. Война и лубок. Пг.: Типография «Наш век», 1916. 40 с.
- Дуров, 1993** – Дуров В.А. Солдатские Георгиевские кресты Первой мировой войны // *Военная быль*. 1993. № 4. С. 2-5.
- Еремин, 2014** – Еремин И.А. Увековечение памяти участников Первой мировой войны в западной Сибири как фактор восстановления дореволюционных воинских традиций // *Вестник Алтайского государственного педагогического университета*. 2014. № 18. С. 47-49.
- Кунжаров, 2013** – Кунжаров Е.М. Российская государственная пропаганда Первой мировой войны в отечественной историографии // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2013. № 3. С. 90-93.
- Купцова, 2004** – Купцова И.В. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.). СПб.: Нестор, 2004. 211 с.
- Маслова, 2014** – Маслова Ю.В. Лицо войны – герой Козьма Крючков // *Культурное наследие России*. 2014. № 3. С. 7-14.
- Молчанова, 2016** – Молчанова Д.С. Отечественный военный лубок и открытка (на примере периода русско-японской войны 1904–1905 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2016. 287 с.
- Нелипович, 2014** – Нелипович С.Г. «Вырвались от противника и прибыли порезанные и израненные...». Документы РГВИА о подвиге первого георгиевского кавалера Великой войны К.Ф. Крючкова // *Отечественные архивы*. 2014. № 5. С. 74-84.
- Пахалюк, 2014** – Пахалюк К.А. Отражение героизма русских солдат и офицеров Первой мировой войны в мемуарной литературе советского периода / Великая война: сто лет. Под ред. М.Ю. Мягкова, К.А. Пахалюка. М.-СПб., 2014. С. 206-236.
- Пахалюк, 2016** – Пахалюк К.А. Дискурсивные основания юбилейной коммеморации Первой мировой войны в современной России // *Politbook*. 2016. № 4. С. 109-131.
- Сенявская, 1997** – Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1997. 383 с.
- Сенявская, 2009** – Сенявская Е.С. Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе // *Вестник МГИМО*. 2009. № 2. С. 31-37.
- Чистяков, 2014** – Чистяков С.С. Миф и реальность в печатной графике Первой мировой. Русский батальный лубок, плакат и художественная открытка 1914–1917 годов // *Первая мировая: война и миф*. М., 2014. С. 83-108.

References

- Aksenov, 2020** – Aksenov, V.B. (2020). Sluhi, obrazy, emocii. Massovyje nastroeniya rossiyan v gody vojny i revolyucii (1914–1918). [Rumors, images, emotions. Mass moods of Russians during the years of war and revolution (1914–1918)]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 992 p. [in Russian]
- Astashov, 2012** – Astashov, A.B. (2012). Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoj mirovoj vojny. [Propaganda on the Russian front during the First World War]. М.: Novyi khronograf, 400 p. [in Russian]
- Astashov, 2014** – Astashov, A.B. (2014). Russkij front v 1914 – nachale 1917 goda: voennyj opyt i sovremennost'. [Russian front in 1914 – early 1917: military experience and modernity]. М.: Novyi khronograf, 740 p. [in Russian]
- Barinov, Barinova, 2014** – Barinov, V.A., Barinova, K.V. (2014). Pervaya mirovaya vojna: uroki istorii dlya Rossijskoj nacii. [World War I: History Lessons for the Russian Nation]. *Nacional'nye prioritety Rossii*. 2: 36-47. [in Russian]
- Bondarenko, 2013** – Bondarenko, V.V. (2013). Geroi Pervoj mirovoj [Heroes of World War I]. М.: Molodaya gvardiya, 509 p. [in Russian]
- Chistyakov, 2014** – Chistyakov, S.S. (2014). Mif i real'nost' v pechatnoj grafike Pervoj mirovoj. Russkij batal'nyj lubok, plakat i hudozhestvennaya otkrytka 1914–1917 godov. [Myth and reality in printed graphics of the First World War. Russian battle lubok, cry and art postcard 1914–1917]. Pervaya mirovaya: voina i mif. М. Pp. 83-108. [in Russian]
- Denisov, 1916** – Denisov, V.A. (1916). Vojna i lubok [Vojna and Lubok]. Pg.: Tipografiya «Nash vek». 40 p. [in Russian]
- Durov, 1993** – Durov, V.A. (1993). Soldatskie Georgievskie kresty Pervoj mirovoj vojny. [Soldier's St. George's Crosses of the First World War]. *Voennaya byl'*. 4: 2-5.
- Eremin, 2014** – Eremin, I.A. (2014). Uvekovechenie pamyati uchastnikov Pervoj mirovoj vojny v zapadnoj Sibiri kak faktor vosstanovleniya dorevolucionnyh voinskih traditsij [Perpetuation of the memory of participants in the First World War in Western Siberia as a factor in the restoration of pre-revolutionary military traditions]. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 18: 47-49. [in Russian]
- GAIO** – Gosudarstvennyj arhiv Ivanovskoj oblasti [State Archive of the Ivanovo Region].
- Kunzharov, 2013** – Kunzharov, E.M. (2013). Rossijskaya gosudarstvennaya propaganda Pervoj mirovoj vojny v otechestvennoj istoriografii. [Russian State Propaganda of the First World War in Russian Historiography]. *Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. 3: 90-93. [in Russian]

Kuptsova, 2004 – *Kuptsova, I.V.* (2004). *Hudozhestvennaya zhizn' Moskvy i Petrograda v gody Pervoj mirovoj vojny (iyul' 1914 – fevral' 1917 g.)*. [Artistic life of Moscow and Petrograd during the First World War (July 1914 – February 1917)]. SPb.: Nestor, 211 p. [in Russian]

Maslova, 2014 – *Maslova, Yu.V.* (2014). *Lico vojny – geroj Koz'ma Kryuchkov* [The face of war is the hero Kozma Kryuchkov]. *Kul'turnoe nasledie Rossii*. 3: 7-14. [in Russian]

Molchanova, 2016 – *Molchanova, D.S.* (2016). *Otechestvennyj voennyj lubok i otkrytka (na primere perioda russko-yaponskoj vojny 1904–1905 gg.)*. [National military lubok and postcard (on the example of the period of the Russo-Japanese war of 1904–1905)]. Diss. ... kand. ist. nauk, M., 287 p. [in Russian]

Nelipovich, 2014 – *Nelipovich, S.G.* (2014). «Vyrvalis' ot protivnika i pribyli porezannye i izranennye...». *Dokumenty RGVIA o podvige pervogo georgievskogo kavалера Velikoj vojny K.F. Kryuchkova* [«They escaped from the enemy and arrived cut and wounded...». Documents of the RGVIA on the feat of the first Knight of St. George of the Great War K.F. Kryuchkova]. *Otechestvennye arhivy*. 5: 74-84.

Pahalyuk, 2014 – *Pahalyuk, K.A.* (2014). *Otazhenie geroizma russkih soldat i oficerov Pervoj mirovoj vojny v memuarnoj literature sovetskogo perioda*. [Reflection of the heroism of Russian soldiers and officers of the First World War in the memoirs of the Soviet period]. *Velikaya voina: sto let. Pod red. M.Yu. Myagkova, K.A. Pakhalyuka. M.-SPb. Pp. 206-236*. [in Russian]

Pahalyuk, 2016 – *Pahalyuk, K.A.* (2016). *Diskursivnye osnovaniya yubilejnoj kommemoracii Pervoj mirovoj vojny v sovremennoj Rossii*. [Discursive Foundations of the Anniversary Commemoration of the First World War in Modern Russia]. *Politbook*. 4: 109-131. [in Russian]

Senyavskaya, 1997 – *Senyavskaya, E.S.* (1997). *Psihologiya vojny v XX veke. Istoricheskij opyt Rossii*. [The psychology of war in the twentieth century. Historical experience of Russia]. M.: ROSSPEN, 383 p. [in Russian]

Senyavskaya, 2009 – *Senyavskaya, E.S.* (2009). *Istoricheskaya pamyat' o Pervoj mirovoj vojne: osobennosti formirovaniya v Rossii i na Zapade*. [Historical memory of the First World War: features of formation in Russia and in the West]. *Vestnik MGIMO*. 2: 31-37. [in Russian]

Voенно statisticheskij ezhegodnik..., 1915 – *Voенно-statisticheskij ezhegodnik armii za 1913 god*. [Military Statistical Yearbook of the Army for 1913]. Pg.: *Voennaya tipografiya Ekateriny Velikoi. 1915. 722 p.* [in Russian]

Образы героев Первой мировой войны в сознании современников и потомков

Сергей Игоревич Белов ^{a, b, *}

^a Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Российская Федерация

^b Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется формирование героических образов имперской пропагандой в годы Первой мировой войны и их восприятие в сознании современников и потомков. Поскольку пропаганда в 1914–1917 годах при трансляции в общество патриотического взгляда на войну в первую очередь должна была иметь дело с малообразованной частью населения, ее основным средством были не газета, а листовка, открытка или плакат. Важной задачей в воспитании патриотизма было формирование образа «народных героев» и прославление их подвигов. Однако наивно-героическое повествование «народных картинок» вызывало неприязнь у обывателя из-за военных поражений и глухое раздражение в армейской среде, поскольку эти образы сознательно дистанцировались от реальных проблем армии. В результате герои «первого плана» (К.Ф. Крючков и М.Л. Бочкарева) не вызывали особого восторга даже у современников. Они не были забыты в советской историографии, выступая примерами неудачной военной пропаганды царизма. В связи с этим попытки реабилитировать этих героев во время празднования годовщины Первой мировой войны в 2014 г. не увенчались успехом. Большинство героев войны «второго плана» были забыты, но в ряде случаев мемориальные практики, заложенные в годы войны на их родине, дали хорошие результаты после распада СССР. Среди этих героев следует отметить имена Р.М. Ивановой (Симферополь) и П.Н. Черкасова (Нижний Новгород).

Ключевые слова: Первая мировая война, историческая память, образ героя, коммеморация, пропаганда, лубок.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: belov2006s@yandex.ru (С.И. Белов)